

Евгений БАГАЕВ

«Кузнецкий край – Новый взгляд»

24 октября администрацию города Кемерово с официальным визитом посетила делегация департамента социального благосостояния и помощи жертвам войны министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии.

Японская делегация выразила благодарность администрации Кемерово за помощь, оказанную в процессе подготовки и организации монумента на месте захоронения японских военнопленных.

Работа по поиску неизвестных могил японских солдат департаментом социального благосостояния и помощи жертвам войны Японии ведется с 1991 года. Подобные монументы уже открыты в Красноярском крае, Татарстане, Свердловской области. В Кемерове работы по созданию памятника погибшим японским военнопленным ведутся с 2005 года.

25 октября торжественно открыт монумент в городе Кемерово.

Справка: «За 10 лет сотрудничества на территории России было эксгумировано более 12 тысяч останков японских граждан, погибших и умерших в лагерях для военнопленных. Все останки вывезены в Японию. Эта работа будет продолжаться, в том числе и на территории Кемеровской области. Напомним, тысячи японских военнопленных после войны находились в лагерях под Анжеро-Судженском, в Кемерове, Ленинске-Кузнецком».

Каждый раз, когда в печати появляются сообщения о том, что к нам, в Кузбасс, вновь приехали немцы или японцы, чтобы посетить места, где их соотечественники обрели вечный покой, я вспоминаю рассказы подруги нашей семьи врача Антонины Даниловны Лазаревой, которая в 1945 году работала в одном из отделений Сиблага – лагере № 503 в Ленинске-Кузнецком начальником медсанчасти.

Лагерь там располагался около шахты имени 7 Ноября и имени Кирова, где содержались военнопленные.

Первую партию японцев в Ленинск-Кузнецкий, вспоминает Антонина Даниловна, привезли в декабре 1948 года. Морозы стояли страшные – до 48 градусов. Переводчиков не хватало, и первое время было трудно общаться с прибывшими. Несмотря на то, что вместе с японскими военнопленными прибыли и японские врачи, снабженные своими медикаментами и инструментарием, многие из них погибли. Одной из главных причин смерти, по словам Лазаревой, был брюшной тиф, инфекцию которого японцы привезли в своих эшелонах. Выяснилось, что по дороге в Кузбасс многих тяжелых больных приходилось оставлять на узловых станциях по всему Транссибу. В Ленинске-Кузнецком, куда прибыла партия человек 700-800, тиф продолжал бушевать, унося жизни японцев. Как-то однажды Лазарева заинтересовалась у работников администрации лагеря, где хоронят умерших. В ответ от оперативников НКВД услышала угрожающее: «Не суй нос, куда не следует. Это тебя не касается».

Было ясно, что все захоронения тогда тщательно скрывались.

Из досье: «По данным полномочного представителя международной ассоциации «Военные мемориалы» в Кузбассе Геннадия Шабалина, с 1944-го по 1959 год в лагерях на территории Кемеровской области находилось около 50 тысяч военнопленных. Среди них были немцы, японцы, австрийцы, чехи, венгры, поляки, румыны и даже французы. В основном они работали на строительстве шахт, дорог, городов. Они добывали уголь, валили лес, были заняты на самых разных хозяйственных работах. Многие из военнопленных погибли, не выдержав режима содержания. К началу их

Потерянные в Сибири

В конце октября в Кемерове открыли монумент на месте захоронения японских военнопленных.

ВАЛЕРИЙ ФОНИНСКИЙ

освобождения (депортации) в земле Кузбасса нашли вечный покой 6200 иностранных военнопленных. Из них около 450 японцев. Сейчас ведется кропотливая работа по поиску и восстановлению мест захоронений иностранных солдат второй мировой войны. Сегодня на территории Кемеровской области известно более 30 таких мест, однако есть все основания утверждать, что это далеко не полные данные. Работа в архивах продолжается. Осенью 2000 года губернатор Аман Тулеев подписал неординарное распоряжение «О мерах по обеспечению содержания, сохранности памятных знаков, воинских захоронений иностранных государств на территории Кемеровской области». За скупым названием губернаторского документа – судьбы тысяч военнопленных самых разных стран Европы и Азии. И признание того, что Россия обновляется, возвращаясь к общечеловеческим ценностям.

...Тем не менее по настоянию начальника медсанчасти Лазаревой из Кемерово были вызваны специалисты-инфекционисты, которые и помогли остановить эту эпидемию. При всем при этом, по словам Антонины Даниловны, обращение с японцами со стороны администрации лагеря было весьма корректным. С этих военнопленных не снимали (как было с немцами) воинские звания. Среди японцев сохранялись все их воинские

структуры. Например, японские офицеры были освобождены от всякой черновой работы, ходили в белых перчатках и при холодном оружии. Они же следили и за порядком среди своих подчиненных. В этом лагере находился целый батальон (три роты), и командовал им комбат по фамилии Каяма, вспоминает Лазарева. Он долго жил в Ленинске-Кузнецком. Но потом его следы затерялись.

Из энциклопедии «История Кузбасса»:

«Во время Великой Отечественной войны на территории Кемеровской области для иностранных военнопленных и интернированных лиц была создана, помимо ГУЛАГа, еще одна самостоятельная сеть лагерей. Она представляла собой такую систему: в основе были базовые лагеря № 503 (существовал в 1945-49 гг., наполняемость до 10 тысяч человек, в Прокопьевске), № 525 (в 1945-49 гг., на 20,5 тысячи человек, в Сталинске, ныне Новокузнецк) и № 526 (в 1945-48 гг., в Юрге). Каждый такой лагерь имел свою мощную сеть отделений, которая накрывала практически всю территорию Кемеровской области – от Мариинска на севере до Таштагола на юге региона.

Самым большим был 525-й лагерь, имевший 27 отделений, каждое из которых было рассчитано на содержание 5 тысяч человек. Территориальное размещение лагерей диктовали промышленники. Заказ-

чиками дешевой рабочей силы были такие тресты, как «Анжероуголь», «Кемеровоуголь», «Ленинскуголь» и т.д. А поставщиками рабсилы был НКВД».

В Кемерове японцы работали на строительстве коммунального моста через реку Томь. И работали так прилежно, что однажды администрация 503-го лагеря решила устроить торжественный вечер, на котором лучшие рабочие-японцы получили поощрение – это тоже хорошо помнит врач Лазарева.

До сих пор в самом центре Кемерово стоят кварталы жилых домов, построенные руками военнопленных.

Но не всегда и не везде с пленными обстояло так «благополучно», как в Кемерове.

По свидетельствам очевидцев, каждый метр железной дороги Новокузнецк – Таштагол стал могилой военнопленного иностранца.

По данным архива, в 1947 году на территории Кемеровской области находилось около 50 тысяч военнопленных и 300 тысяч «спецконтингента» из числа спецпереселенцев – репрессированные, раскулаченные и т.д.

Как сообщил Геннадий Шабалин, ему не удалось найти более точные данные: во время путча ГКЧП в Кемеровском областном партийном архиве были уничтожены все «особые папки». В них, в частности, содержалась и переписка между обкомами ВКП(б) и НКВД. Шабалин как раз и пытался найти в этих папках документальное подтверждение рассказам очевидцев о репрессиях по отношению к военнопленным.

Японцам везло больше других. Они тоже устраивали забастовки, но по-итальянски. Приходили на работу, садились на корточки и сидели. Сидели день-два-три. Выяснилось наконец, что таким образом они требуют сменить лагерные меню: заменить квашеную капусту и картошку на рис и рыбу. Когда им все-таки дали рис, японцы спокойно встали и пошли на работу.

Японские военнопленные вообще были на особом уровне отношения к ним. Им предоставлялась возможность соблюдать национальные обычаи и традиции в условиях Сибири. Больше того, в Японии издана книга, в которой есть такая фотография: началась депортация японцев на родину. С перрона сибирского городка на восток уходит поезд, и провожает его толпа русских беременных женщин.

Геннадий Шабалин отмечает, что, к сожалению, сегодня отношение к захоронениям своих военнопленных у японского правительства отличается от позиции японских ветеранских общественных организаций. В начале 90-х годов в Кемерово неоднократно приезжали как представители официальных властей, так и бывшие военнопленные, родственники умерших здесь японцев. Ветераны говорили, что если уж здесь похоронены их соотечественники, пусть здесь и лежат: все равно дух их остался на сибирской земле. А официальные власти Японии решили провести массовую эксгумацию захоронений своих бывших военнопленных. И вот в июле 1995 года на тех захоронениях, где это было возможно сделать (65 могил в Анжеро-Судженске, 23 могилы в Кемерове и 107 могил в Ленинске-Кузнецком), японцы произвели эксгумацию останков, кремировали их и увезли прах на родину.

...Как-то ранним летним утром в каком-то из 50-х годов мои домашние были разбужены внезапно зазвучавшей на улице музыкой. Выскочив на балкон, мы увидели необычное зрелище. Тысячи военнопленных шли колоннами со стороны будущей площади Советов к Притомской площади (ныне площадь Пушкина) под музыку духового оркестра. Затем колонны повернули в сторону старого вокзала.

Так началась депортация военнопленных из Кузбасса.